

ВКЛАД Э.Р. ТЕНИШЕВА В ТЮРКСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

О ВЗГЛЯДАХ Э.Р. ТЕНИШЕВА НА ИСТОРИЮ ДРЕВНИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ¹

И.В. Кормушин

г. Москва

Резюме: Тюркская компаративистика была в центре внимания нашего руководителя, Эдхяма Рахимовича Тенишева, практически всегда, на протяжении всей его жизни. Благодаря этому его интересу наука имеет созданную под его руководством и при непосредственном участии шеститомную «Сравнительно-историческую грамматику тюркских языков». Одной из теоретических метапроблем, которая занимала Эдхяма Рахимовича, была проблема разграничения смежных дисциплин: историческая грамматика – история литературного языка – история общенародного языка. В статье предлагается авторский взгляд на решение этой проблемы.

Ключевые слова: историческая грамматика, история литературного языка, письменные памятники древних тюрков.

Теоретическому разграничению смежных историко-лингвистических дисциплин были посвящены несколько работ Э.Р. Тенишева. В них он попытался определить подходы к решению подобных задач. Одна из статей Э.Р. Тенишева была посвящена разграничению таких краеугольных понятий при работе с языковым материалом тюркских письменных памятников, как «историческая грамматика» и «история литературного языка». Как объясняет Э.Р. Тенишев, такое размежевание «было принято в отечественном языкознании» [Тенишев 1988: 68].

Да, действительно, подобное различие для *русского* языка должно было возникнуть и действительно возникло в связи с особым происхождением русского письменно-литературного языка, в основу которого был положен не тождественный русскому общенародному язык диалектов восточных славян, но язык, получивший позднее название «церковно-славянского» и представлявший диалекты

---

¹ Работа выполнена по гранту «Коррекционные исследования древнетюркских рунических памятников на территории Монголии», проект № 20-512-44016 Монг_a.

южных славян. Последнее объясняется тем, что первые проповедники христианства среди славянских народов Кирилл (Константин) и Мефодий, ученые греки, происходили из города Солунь (совр. Салоники), среди населения которого было много южных славян-македонцев. Проповедники знали этот язык. И когда в 863 г. в г. Константинополь прибыло посольство Ростислава, князя Великой Моравии, недавно принявшей христианство, с просьбой к императору ромеев помочь славянам в освоении новой для них религии посылкой проповедников, то было решено поручить эту миссию братьям Кириллу (827–869) и Мефодию (815–885).

Кирилл и Мефодий успели составить славянскую азбуку «глаголицу» и вместе с учениками засесть за переводы богослужебных книг. Фактически церковнославянский язык создавался в постоянных поисках переводных эквивалентов специфических понятий и выражений богослужебного канона. Особый импульс развитию славянского языка-реципиента придала необходимость поиска/создания слов для выражения отвлеченных, абстрактных понятий, которыми изобилует язык оригинала – греческий. Впоследствии один из их учеников, Климент Охридский (840–916), взял за основу другой славянской азбуки греческий унциал, дополнил его буквами из глаголицы, что и вошло в историю как «кириллица».

В самом начале X в. государство Великая Моравия (в основном это земли современных Чехии, Словакии и очень небольшие территории нынешних: с севера – южной Польши и с юга – северной Венгрии) прекращает свое существование. Еще ранее она по внутривосточным причинам отходит от православия, Польша и Чехия принимают католицизм, становятся частью западнохристианского мира, и дело дальнейшего развития церковнославянского языка переходит под эгиду нового балканского государства – Болгарии. Это последнее создавалось как уния двух разных, неродственных этносов: а) так называемых «протоболгар» – народа тюркского происхождения, говорившего на «булгарском» диалекте особой ветви тюркской языковой семьи, сохранившейся донныне в виде чувашского языка; б) славян южной ветви, языки которых сохраняются как современные македонский и болгарский. Принятие протоболгарами православия устранило препятствия на пути объединения указанных этнически и языково неродственных этносов, которое было оформлено в 893 г. утверждением Симеона первым царем объединенной Болгарии.

В силу приведенных сведений о работе над созданием богослужебного славянского языка часто высказываемый в русской филологии тезис о том, что восточные славяне получили этот язык от «болгар», в общем правильный по языковой сути, нуждается в небольшой исторической корректировке: да, в основу церковнославянского языка положены южнославянские диалекты – и на раннем этапе, и впоследствии, но начался этот процесс на западнославянской территории под патронажем властей Богемии.

Нечто аналогичное мы имеем и в случае с тюркским письменно-литературным языком. Орхонские руноподобные (~ рунические) памятники конца VII – первой половины VIII вв. созданы в эпоху и на политическом пространстве тюрков (собственно тюрков, в узком этническом значении этого термина). Но уже В.В. Радлов говорил об этом языке как литературном, в основе которого лежат несколько диалектов: язык собственно тюрков, язык древних уйгуров и смешанный

язык памятников манихейского содержания. Определенно удержались в этой классификации первые два. После открытия словаря Махмуда Кашгарского диалектная подоснова языка древнеписьменных памятников получила точные критерии оценок в виде установленных Махмудом Кашгарским межтюркских фонетических соответствий, из которых А.Н. Самойлович отобрал признаки, значимые для разделения всех тюркских языков на классификационные группы, ранжировав их по относительно-хронологическому принципу.

Согласно этой концепции, самое раннее распочкование общетюркского родословного древа (по-другому: распад единого праязыка) состоялось на основе межъязыкового чередования в строго определенной группе древнейших основ неначальных звуков *-r* и *-z*, иначе: на основе признака ротацизма/дзетацизма – это отхождение/отделение от праязыка булгарской ветви/группы, см. выше. Хронологически следующая филиация общетюркского генеалогического древа по А.Н. Самойловичу – это разделение оставшейся небулгарской диалектной массы на две большие ветви – восточную и западную: восточные – группы карлукско-уйгурских *d-δ-z-t*-языков, обладающие словами типа *adaq/adaq/azaq/ataq*; западные – кыпчакские и тюрко-огузские группы *j*-языков со словами типа *ajaq*.

Схематически изложенная выше классификация А.Н. Самойловича способна наглядно объяснить такой феномен сложения литературно-письменного языка древнейших тюркских – орхонских – надписей, как смешанный характер этого языка, о чем ученые стали говорить примерно с 1910-х гг., т. е. задолго до открытия материалов словаря Махмуда Кашгарского и созвучной с этими материалами и в известной мере развившей их истинное значение для предыстории и ранней истории тюркских языков вышеуказанной классификации. [Кормушин 2020].

Для них обоих маркером является наличие в определенной группе слов в срединной позиции межзубного дентального *-δ*: *adaq* ‘нога’, *qadīn* ‘береза’, *qadīn* ‘свойственник’ и др. Группе *δ*-диалектов, или диалектов тюрков в формулировке Кашгари, противопоставляется группа диалектов ягма, тухси, кыпчаков, ябаку, татар, кайы, чомулов и огузов, которые межзубный *даль* в приведенных и других подобных словах тюрков заменяют на проточный *-у*-, имея здесь соответственно: *ayaq* ‘нога’, *qayīn* ‘береза’, *qayīn* ‘свойственник’. Это и есть диалекты огузов «и тех, кто близок им», по данным Кашгари конца XI в. Описанное Кашгари фонетическое соответствие имеет еще одну ступень реализации: «точно так же *заль* в речи чигилей и других тюрков некоторые из кыпчаков, емеков, суваров, болгар и тех, чьи земли простираются до Руси и Рума, заменяются на *зай*. Например, у тюрков ‘нога’ называется *adaq*, а они называют *azaq*» [Maḥmūd al-Kāšġarī 1982: 27].

Далее, Э.Р. Тенишев развивает тему различий в таком понимании предмета исторической грамматики: «историческая грамматика языка в целом, в сумме всех его страт» и «историческая грамматика только одного высшего страта – литературного языка» [Тенишев 1988: 68]. Такой подход, по мнению Э.Р. Тенишева, позволяет «выделить три типа истории одного и того же языка: 1. Историческая грамматика национального языка. 2. Историческая грамматика литературного языка. 3. История литературного языка».

Здесь хотелось бы остановиться и еще раз подумать: а правильно ли из традиционной дисциплины № 3 – «истории литературного языка» выделять еще до-

полнительную дисциплину № 2 – «историческую грамматику литературного языка»? Думается, такое дробление не совсем оправданно.

Во-первых, «историческая грамматика» предполагает исследование заведомо идентичных, «одних и тех же» форм языка, лишь попавших или не попавших под действие законов постепенных естественных изменений звуковых оболочек и семантики слов. Напротив, в «истории литературных языков» под видом идентичных форм и семантем на разных хронологических срезах могут выступать не идентичные сущности, а языковые единицы, имеющие отличающееся друг от друга, хотя и близкое происхождение (не родные братья и сестры языковых форм, а я бы назвал их «сводными»).

Во-вторых, как давно уже известно в тюркологии, языки самых древних наших памятников имеют в своих средствах соединение разных древнедиалектных стихий: уйгурской и огузской.

А.Н. Кононов писал, что язык памятников впитал в себя «наиболее характерные черты двух, в ту пору наиболее крупных языковых групп – уйгурской и огузской, в силу чего [этот] язык ... представляет собою, как и всякий письменно-литературный язык, довольно пеструю картину в отношении использования грамматических форм уйгурского и огузского фондов» [Кононов 1980: 4]. Словно бы чуть варьируя аналогичное заключение, Э.Р. Тенишев писал, что «первый письменный литературный вариант – язык памятников рунического письма (руническое койне) сложился на огузской основе с уйгурскими и кыпчакскими включениями» [Тенишев 1997: 35]. Думается, что менее вероятно второе заключение: все-таки в основе древнетюркского литературного койне больше строевых уйгурских черт, чем тюркско-огузских. Здесь опять путеводную нить дает инлаутное соответствием *d//j*, не будем забывать, что орхонские памятники – все *d*-язычны.

Вряд ли учитывая этот фактор, стоило бы говорить «об исторической грамматике».

Мне представляется более правильной, учитывающей все противоречивости языкового материала орхонских рунических надписей, интеграция их в понятие «древнетюркское койне смешанной огузо-уйгурской природы» [Тенишев 1976: 170], как это традиционно идет от В.В. Радлова. История языка орхонских памятников продлилась чуть более 50 лет, с 680-х гг. по 735 г. Но язык этот оказался настолько популярен, что когда в 744 г. уйгуры смели режим своих сюзеренов-тюрков, под властью которых они существовали почти 200 лет, для них стало возможным почти сразу же пойти путем летописно-языковой культуры, расцветшей в годы Второго восточно-тюркского каганата. Уже в 750 г. уйгуры воздвигают Тесинскую стелу с надписью; в 754 г. – Терхинскую стелу, а в 760 г. – огромную стелу на р. Селенге, традиционном регионе обитания уйгуров в древности [Жормушин 2004: 147–172]. Все эти три надписи выбиты тем же руноподобным письмом, что и орхонские надписи, и практически на том же койне, на котором писались орхонские тексты. Фактически в этом и состоит доказательность тезиса о двухкомпонентной основе древнетюркского рунического койне. Отсюда же проистекает вывод о том, что развитие рунического койне подпитывается не естественной эволюцией форм живого общенародного языка, которая

отслеживается исторической грамматикой, но сознательными новациями авторов надписей и др. письменных жанров, создаваемых на основе эстетических, вкусовых, идиоэтнических, выразительно-стилистических и т. п. пристрастий авторов. Поэтому изменения в фонетике и семантике языковых форм любого койне, в том числе и древнетюркского, опираются на языковую компетенцию автора. Если автор улавливает тенденции развития языка и следует им, его новация сохраняется и может быть подхвачена другими. В противном случае подобная форма не получает развития и затухает. И конечно, это движение изучается дисциплиной «история литературного языка». «Историческая грамматика» изучает спокойное, без вмешательства человека развитие форм языка. Хотя в конце концов за каждым языковым изменением стоит человек. Просто историческая грамматика изучает обезличенную историю языковых форм, а история языка – это всегда или по большей части воссоздание картины «в лицах», пусть иногда полустертых, а иногда стертых от нас временем совсем.

Литература

- Кононов 1980 – *Кононов А.Н.* Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–IX вв. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1980. – 255 с. {*A.N. Kononov.* Grammar of the language of the Turkic runic monuments of the VII–IX centuries. – Leningrad: Nauka, Leningrad branch, 1980. – 255 p.}
- Кормушин 2004 – *Кормушин И.В.* Древние тюркские языки. – Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 2004. – 336 с. {*I.V. Kormushin.* Old Turkic Languages. – Abakan: N.F. Katanov Khakass State University publishing house, 2004. – 336 p.}
- Кормушин 2020 – *Кормушин И.В.* Почему в классификации А.Н. Самойловича язык орхон-енисейской письменности отнесен им к юго-восточной (уйгуро-карлукской), а не к юго-западной (огузской) группе тюркских языков // Российская тюркология. – М., 2020. – № 3–4 (28–29). – С. 5–8. {*I.V. Kormushin.* Why A.N. Samoylovich classified the language of the Orkhon-Yenissei monuments as a South-Eastern (Uighur-Karluk) and not the South-Western (Oghuz) group of Turkic languages // Russian Turkology. – Moscow, 2020. – PP. 5–8.}
- Самойлович 1926/2005 – *Самойлович А.Н.* К вопросу о классификации турецких языков. – Баку, 1926. – Цит. по: Тюркское языкознание. Филология. Руника. – М.: Восточная литература РАН, 2005. – С. 88–92. {*A.N. Samoylovich.* On the classification of Turkic languages. – Baku, 1926. – As in: Turkic linguistics. Philology. Runic Inscriptions. – Moscow: Vostochnaya literatura RAN (RAS), 2005. – PP. 88–92.}
- Тенишев 1976 – *Тенишев Э.Р.* О наддиалектном характере языка тюркских рунических памятников // Turcologica 1976. К семидесятилетию академика А.Н. Кононова / Отв. ред.: С.Г. Кляшторный, Ю.А. Петросян, Э.Р. Тенишев. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1976. – С. 164–172. {*E.R. Tenishev.* On supra-dialectal character of the language of Turkic runic monuments // Turcologica 1976. To the 70th anniversary of academician A.N. Kononov. – Leningrad: Nauka, Leningrad branch, 1976. – PP. 164–172.}
- Тенишев 1988 – *Тенишев Э.Р.* Принципы составления исторических грамматик и историй литературных тюркских языков // Советская тюркология. – Баку, 1988. – № 1. – С. 67–85. {*E.R. Tenishev.* The formation principles of historical grammars and histories of literary languages // Soviet Turkology. – Baku, 1988. – No. 1. – PP. 67–85.}
- Тенишев 1997 – *Тенишев Э.Р.* Тюркоязычных письменных памятников языка // Языки мира / Тюркские языки. – М.: Индрик, 1997. – С. 35–46. {*E.R. Tenishev.* Languages of Turkic written monuments // Languages of the World / Turkic languages. – Moscow: Indrik, 1997. – PP. 35–46.}
- Maḥmūd al-Kāšyarī 1982 – Compendium of the Turkic dialects (Dīwān Luyāt at-Turk) / Edited and translated with introduction and indices by Robert Dankoff in collaboration with James Kelly. – Part I. – Harvard University Printing Office, 1982.

**ON THE VIEWS OF E.R. TENISHEV
ON THE HISTORY OF ANCIENT LITERARY TURKIC LANGUAGES**

I.V. Kormushin

Moscow

Summary: Turkic comparative studies were in the focus of attention of Edhyam Rakhimovich Tenishev throughout all his life. Thanks to his interest on such studies, the turkological science has a six-volume «Comparative-historical grammar of Turkic languages» which was created under his leadership and with his direct participation. One of the theoretical meta-problems that Edhyam Rakhimovich Tenishev dealt with was the problem of delimiting three related disciplines: historical grammar, history of literary language and history of common language. The article offers the author's view of the solution to this problem.

Key words: historical grammar, history of literary language, written monuments of ancient Turks.

Igor Valentinovich Kormushin – Ph.D. in philology, professor, chief research scientist of Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, e-mail: igorkormushin@yandex.ru.